

Ю.А.Нисневич
**ВЛИЯНИЕ ФАКТОРА
ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Юлий Анатольевич Нисневич — доктор политических наук, профессор департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: jnisnevich@hse.ru.

Аннотация. Статья посвящена проблеме влияния фактора политического ислама в современных условиях. В целях выявления такого влияния автор рассматривает положение дел в 45 государствах — членах ООН, где ислам исповедуют более 50% населения, условно подразделяя их на исламские, квазиисламские и светские. Проведенный им анализ показывает, что влияние фактора политического ислама в поле политики мусульманского мира, а следовательно, и в мировом политическом пространстве носит ограниченный характер.

Прямое воздействие политического ислама на политические процессы просматривается только в 12 исламских государствах со стабильными политическими режимами и светской Турцией. Во всех этих государствах, кроме теократических исламских диктатур — Афганистана и Ирана, а также Катара, власти жестко подавляют любые проявления радикального политического ислама. Существенное влияние на политическую ситуацию в ряде исламских государств оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт.

В 20 квазиисламских и светских мусульманских государствах со стабильными политическими режимами политический ислам если и присутствует, то лишь на периферии политического поля. Вместе с тем в некоторых из государств этой группы власти вынуждены вести борьбу с трансграничной террористической активностью радикальных исламских организаций.

Почти в четверти государств мусульманского мира политическая ситуация в настоящее время нестабильна. При этом одним из факторов политической турбулентности в этих государствах, наряду с этническими и клановыми конфликтами, является террористическая деятельность как международных, так и национальных радикальных исламских группировок и движений.

Ключевые слова: политический ислам, мусульманский мир, исламские, квазиисламские и светские мусульманские государства, радикальные исламские организации

Введение

Многочисленные публикации в средствах массовой информации и научной литературе по проблемам политического ислама, или, как его нередко называют, исламизма, создают впечатление, что этот феномен представляет масштабную угрозу не только политической стабильности в мусульманских странах, но и мировому политическому порядку в целом. Разговоры о «новой исламской угрозе», именуемой исламизмом, возникли еще в 1970—1980-е годы, но хотя, как отмечает Алексей Малашенко, «страх перед „исламской угрозой“ сгустился, самовоспроизводился в книгах, на конференциях, в речах политиков»¹, соответствующее понятие тогда употреблялось скорее как метафора. Сегодня же оно, похоже, начинает обретать академическую легитимность.

¹ Малашенко 2006: 11—12.

В связи с этим чрезвычайно важным и актуальным становится вопрос: действительно ли политический ислам (исламизм) способен дестабилизировать поле политики мусульманского мира, в котором сейчас проживает порядка 20% населения планеты, и, как следствие, мировое политическое пространство? Для ответа на этот вопрос необходимо прежде всего оценить, какое влияние и в какой форме оказывает политический ислам на политическую ситуацию и политические процессы в странах мусульманского мира.

В самом общем виде политический ислам есть интерпретация ислама как источника политической идентичности и политических действий². В более узком смысле данный термин употребляется также применительно к движениям, осуществляющим политическую мобилизацию под знаменем ислама³. В отечественной науке синонимичный концепт «исламизм» определяется как «идеология и практическая деятельность, ориентированные на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества (государства), где наличествуют мусульмане, а также между государствами будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате (системе нормативных положений, выведенных из Корана и Сунны)»⁴. Важно подчеркнуть, что, согласно этому определению, исламизм, или политический ислам, может оказывать непосредственное влияние на политическую ситуацию и политические процессы только в странах с мусульманским населением. В настоящей статье под политическим исламом будут пониматься политическая идеология и политические действия, стратегической целью которых является построение государства и общества, основанных на нормах шариата и установленных Кораном принципах справедливости. В качестве мусульманского мира будут рассматриваться 45 государств — членов ООН, в которых ислам исповедуют более 50% населения.

² Voll and Sonn 2009.

³ Ibidem.

⁴ Игнатенко 2000.

В 19 из них на конституционном уровне закреплён не только официальный статус ислама, но и основополагающая роль исламских правил и порядков в жизни общества и шариата — в законодательстве. Эти государства можно квалифицировать как исламские. По многим параметрам с ними сближается Малайзия, где ислам провозглашён государственной религией и где с 2005 г. началась имплементация законов шариата в правовую систему, а в 2015 г. был введён «„индекс шариата“ — показатель соответствия общества основным нормам исламской религии и исламского права (шариата)»⁵. Таким образом, в группу исламских можно включить 20 государств.

⁵ В Малайзии 2015.

Ислам является государственной религией ещё в шести государствах мусульманского мира, но конституции этих государств не позволяют причислить их непосредственно ни к исламским, ни к светским. Такие государства мы будем условно называть квази-исламскими.

Конституции 14 мусульманских государств прямо объявляют их светскими. В конституционных документах ещё пяти при отсутствии прямого указания на их светский характер предусмотрены свобода вероисповедания и сосуществование религий. Все эти 19 государств правомерно отнести к группе светских.

Анализ роли политического ислама в мусульманском мире целесообразно проводить по указанным группам. При этом можно предположить, что если этот фактор и оказывает существенное влияние на политическую ситуацию и процессы, то только в исламских государствах, то есть менее чем в половине государств мусульманского мира.

Влияние фактора политического ислама в исламских государствах

Радикальная версия политического ислама на сегодняшний день реализована в Афганистане и Иране.

В Афганистане в августе 2021 г. была установлена теократическая исламистская диктатура радикального движения Талибан* во главе с муллой Хайбатуллою Ахундзада и Руководящим советом (Рахбар Шура). После прихода талибов к власти управление Афганистаном стало строиться по модели исламского эмирата.

Успех Талибана в Афганистане спровоцировал рост террористической активности радикальных исламских организаций в других мусульманских странах, в частности Движения талибов Пакистана⁶.

В Иране с 1979 г. действует теократическая исламская диктатура персоналистского типа («режим аятолл»), возглавляемая в настоящее время аятоллой Али Хаменеи. Организация власти в стране базируется на шиитской политико-правовой доктрине «Вилайте факих», в соответствии с которой верховное политическое и духовное руководство мусульманской общиной должен осуществлять факих⁷. Воплощающий эту доктрину институт рахбара — высшего должностного лица, концентрирующего в своих руках практически монопольную власть, — закреплён в Конституции Ирана.

⁶ Атасунцев, Пудовкин и Химишавили 2021.

⁷ Факих («знающий») — богослов-законовед, знаток богословско-правового комплекса (фикх). (Прозоров (ред.) 1991: 250).

⁸ Куршаков 2012.

Иран перманентно будоражит мировое политическое пространство. Претендуя на роль регионального лидера и активно используя в своей внешней политике шиитский фактор, он стремится к созданию на Ближнем Востоке «шиитского полумесяца»⁸. Глубокую озабоченность в мире вызывает также угроза обретения им ядерного оружия, остающаяся вполне реальной, несмотря на заключение в 2015 г. так называемой ядерной сделки, поставившей под международный контроль его ядерную программу⁹, тем более что сама эта сделка находится сейчас под вопросом.

⁹ Дьяков 2020.

Политический ислам в его традиционном виде представлен в исламских государствах с такой «рудиментарной» формой правления, как абсолютная монархия, и явно не может рассматриваться как «новая исламская угроза».

К этой группе относятся расположенный в Юго-Восточной Азии теократический султанат Бруней-Даруссалам и четыре ближневосточных государства: теократическое королевство Саудовская Аравия, эмират Катар, Объединенные арабские эмираты (ОАЭ) и султанат Оман.

В *Брунее* султан обладает высшей духовной и государственной властью (что закреплено и в Конституции страны). В качестве национальной философии и идеологии выступает концепция Малайской исламской монархии, сформулированная и оглашенная султаном в 1990 г., которая призвана обеспечить идейно-ценностное обоснование теократического абсолютного правления султана в соответствии с нормами ислама¹⁰.

¹⁰ Милославская 2010.

В *Саудовской Аравии*, согласно Основному низаму правления, базирующемуся на нормах шариата, вся полнота политической и религиозной власти принадлежит королевской семье Аль Саудов. Проявления радикального политического ислама в королевстве подавляются силовыми методами, при этом уделяется большое внимание профилактике подобных настроений¹¹.

¹¹ Саватеев и Хайруллин 2019.

Определенное влияние на политические процессы в Саудовской Аравии оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, который власть пытается купировать посредством «сочетания формального предоставления новых прав шиитам и ужесточения фактического контроля над деятельностью формальных и неформальных объединений внутри общины», а также перераспределения нефтяных доходов и направления дополнительных финансовых ресурсов на решение социальных проблем¹².

¹² Федорченко 2013.

Во многом аналогичная — с точки зрения влияния фактора традиционного политического ислама — ситуация имеет место в *Катаре*, *ОАЭ* и *Омане*, хотя доминирование этого фактора здесь проявляется в менее жестких формах.

Важно отметить, что Катар считается «изгоем» в арабском мире, его обвиняют в скрытой поддержке радикального политического ислама, а именно таких радикальных исламских организаций, как Аль-Каида*, «Братья-мусульмане»*, Исламское государство*, Талибан*,

ХАМАС и Джебхат ан-Нусра*. На этом основании в 2017 г. Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Египет и ряд других арабских государств разорвали дипломатические отношения с Катаром.

Влияние политического ислама в его умеренной форме является доминирующим в арабских конституционных монархиях Бахрейне и Кувейте.

В *Бахрейне* правит династия Аль Халифа, а передача власти происходит в порядке престолонаследия. Исполнительная власть принадлежит королю и назначаемому им Совету министров, законодательная — королю и Национальной ассамблее, состоящей из Консультативного совета, члены которого назначаются королем, и Палаты депутатов, избираемой на всеобщих выборах. Политические партии в Бахрейне запрещены, однако их роль выполняют так называемые политические общества, среди которых есть как исламские (шиитские и суннитские), так и светские, в том числе либерального и левого толка.

Специфика Бахрейна заключается в том, что это единственное арабское государство, где порядка 60% населения составляют шииты, тогда как правящая династия исповедует суннизм. Как следствие, межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт там достаточно отчетливо выражен, хотя и без радикальных проявлений. Духовные и политические лидеры шиитов подвергаются репрессиям, что заметно влияет на политическую ситуацию, но не приводит к массовым выступлениям¹³.

В *Кувейте* верховная власть закреплена за семьей Аль Ас-Сабах и передается по наследству. Исполнительная власть принадлежит эмиру и кабинету министров, глава которого назначается эмиром из членов правящей семьи, законодательная — эмиру и Национальной ассамблее, избираемой на всеобщих выборах.

В Кувейте запрещены политические партии, но, как и в Бахрейне, их функции исполняют общественно-политические организации, в числе которых есть не только исламские, но и светские, придерживающиеся либеральных, лево-демократических и технократических установок¹⁴. При этом все исламские структуры находятся под контролем Министерства вакфов и исламских дел, которое в своей деятельности руководствуется принципами доктрины «Аль-Васатья», акцентирующей умеренность и толерантность ислама¹⁵.

Деятельность радикальных исламских организаций в Кувейте полностью подавлена. Проявлений межконфессионального суннитско-шиитского конфликта не наблюдается, так как шииты, к которым относится порядка 20–30% населения Кувейта, представлены в Национальной ассамблее и правительстве и играют большую роль в экономике страны.

Еще одним государством с теократическим исламским правлением является федеративная конституционная парламентарная монархия *Малайзия*, которая состоит из 13 штатов и трех федеральных территорий, управляемых непосредственно центральной властью. В девяти мо-

¹³ Кириченко 2021.

¹⁴ Мелкумян 2010: 104.

¹⁵ Мелкумян 2018: 95.

нархических штатах — семи султанатах, раджанате Перлис и штате Негери-Сембилан — их правители являются также духовными лидерами. В четырех губернаторствах эту функцию выполняет Верховный глава Федерации — Янг ди-Пертуан Агонгом.

Главная политическая проблема Малайзии — межэтническая напряженность, имеющая и конфессиональный аспект. Эта напряженность обусловлена неравенством в экономическом и социальном положении бумипутры, в которую входят малайцы и другие коренные народы, и более обеспеченных и социально успешных китайского и индийского меньшинств¹⁶.

¹⁶ Золотухин 2010.

Разделение малайского общества по этническому принципу нашло отражение в партийной системе, включающей порядка 40 малайских, китайских, индийских и иных политических партий¹⁷. Именно под давлением политической оппозиции во главе с Панмалайзийской исламской партией с 2005 г. началась имплементация в правовую систему Малайзии законов шариата.

¹⁷ Кузнецова и др. 2015.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с политическим исламом в исламских арабских диктатурах — Египте, Мавритании и Сирии.

В 2013 г. в результате военного переворота во главе с генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси в *Египте* был свергнут президент Мухаммед Мурси, опиравшийся на «Братьев-мусульман»*, а сама эта организация запрещена. Принятая в 2014 г. новая Конституция страны хотя и не лишила Египет признаков исламского государства, ослабила влияние в нем политического ислама и ввела запрет на создание политических партий на основе религии¹⁸.

¹⁸ Чиркин 2014.

После победы на президентских выборах 2014 г. ас-Сиси начал выстраивать жесткий режим личной власти, задействуя умеренный политический ислам в качестве инструмента его укрепления. Главной политической задачей, стоящей перед страной, была провозглашена борьба с терроризмом, под которой «подразумевается в основном подавление оппозиции в лице „Братьев-мусульман“* и их исламистских союзников, а также любых светских демократических сил, деятельность которых может угрожать новому политическому порядку»¹⁹.

¹⁹ Ибрагимов 2019.

В *Мавритании* правящая с 1978 г. военная хунта использует умеренный политический ислам в целях обеспечения массовой поддержки своей власти и консолидации общества. Но главное влияние на политическую ситуацию в стране оказывает расово-этнический конфликт «между негроидным населением преимущественно юга страны... и традиционно проживающими в северных областях туарегами и арабами-берберами»²⁰.

²⁰ Гришина 2021: 60.

В *Сирии* в ходе «арабской весны» 2011 г. начался многосторонний и многоуровневый вооруженный конфликт между военными и военизированными формированиями правящего персоналистского режима президента Башира Асада, с одной стороны, и различных оппозиционных сил, включающих в себя как умеренных, так и радикальных исламистов (прежде всего в лице Исламского государства*, разгромленного

к концу 2017 г., но не только), а также проживающих в Сирии курдов — с другой. С марта 2018 г. боевые действия практически не ведутся, страна распалась на четыре зоны влияния, самую большую из которых (порядка двух третей территории) контролирует режим Асада.

Стремясь сбить накал противостояния, одной из причин которого были конфессиональные противоречия между правящим алавитским меньшинством, к которому принадлежит семья президента, и суннитским большинством, составляющим порядка 75% мусульманского населения Сирии, Асад инициировал принятие в 2012 г. новой Конституции. В этом документе исламу и шариату посвящена только одна статья, которая устанавливает, что ислам является религией президента, но не государственной, а исламский фикх (то есть мусульманское право в широком смысле) — главным источником законодательства. Это свидетельствует о незначительном месте, которое отводится исламу в государстве и политике²¹.

²¹ Хайруллин
и Коротав 2016:
41.

Доминантным фактором в поле сирийской политики остается сохранение режима Асада при поддержке Ирана и России. Фактор политического ислама существенной роли не играет.

Среди исламских государств более трети (семь) характеризуются крайне нестабильной политической ситуацией. Применительно к таким государствам в полной мере оценить непосредственное влияние политического ислама на политический режим не представляется возможным. Политическая турбулентность в них порождается непрекращающимся противостоянием как политических групп и кланов (*Ирак, Мальдивы, Пакистан*), так и вооруженных военно-политических группировок (*Ливия, Сомали, Судан*). При этом в Ираке, Ливии и Сомали политическая нестабильность провоцируется в том числе радикальными исламистами, в частности (в Сомали) радикальной исламской группировкой «Аш-Шабат».

В *Йемене* с 2014 г. продолжается очередной этап гражданской войны, в которой проправительственные вооруженные формирования суннитов, поддерживаемые коалицией арабских государств во главе с Саудовской Аравией, противостоят вооруженным формированиям хауситов — военизированной группировки шиитов, пользующейся поддержкой со стороны Ирана.

Влияние фактора политического ислама в квазиисламских государствах

В квазиисламских государствах политический ислам находится на периферии поля политики и не оказывает значимого влияния на политическую ситуацию и политические процессы.

В *Иордании* всей полнотой власти обладает король, получающий ее в порядке престолонаследия. Король является главой государства и совместно с Национальной ассамблеей осуществляет законодательную власть. Королю принадлежит исполнительная власть, он назначает премьер-министра и членов Совета министров, судей Конституционного суда, а также гражданских и шариатских судов.

Действующий король Абдалла II достаточно жестко контролирует политическую ситуацию в стране, выступая сторонником экономических и политических реформ в соответствии с концепцией «Иордания превыше всего»²².

²² Морозова 2019.

Главной внутривластной проблемой Иордании остаются отношения между иорданцами и палестинцами — выходцами с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа (включая проживающих в лагерях беженцев палестинцев-неграждан), которые, по разным оценкам, составляют порядка 40—60% населения страны. При этом многие палестинцы поддерживают радикальный политический ислам, прежде всего в лице радикальной исламской организации ХАМАС, что создает угрозу дестабилизации внутренней ситуации в Иордании²³.

²³ Крылов 2013.

В ст. 1 принятой в 2011 г. Конституции Марокко объявлено «конституционной монархией, демократическим государством с парламентской формой правления и светской системой власти»²⁴. При этом король, получающий власть в порядке престолонаследия, является не только главой государства, но и высшим духовным лидером — «повелителем правоверных» (Амир аль-муминин), возглавляющим Совет улемов, а также председателем Верховного суда.

²⁴ <https://worldconstitutions.ru/?p=481>.

Современную политическую ситуацию в стране определяют решения и действия короля Мухаммеда VI, который видит свою задачу в том, чтобы «проводить либеральные реформы, направленные на социально-экономическое и культурное развитие страны, не нарушая состояние хрупкого равновесия в обществе между прогрессивными и традиционалистскими силами, а также сохраняя основы легитимности монархического правления»²⁵.

²⁵ Егоров 2018: 27.

В Алжире на протяжении 20 лет действовал режим личной власти президента Абдель Азиза Бутефлика. В 2019 г. под давлением массовых акций протеста Бутефлика был вынужден подать в отставку, а президентом был избран Абдельмаджид Теббун, ранее не раз занимавший министерские посты, включая пост премьер-министра.

Придя к власти в 1999 г., Бутефлика взял курс на политическую интеграцию умеренной исламской оппозиции и жесткое подавление радикальных исламистов. Деятельность всех исламских организаций была поставлена под контроль двух государственных ведомств — Министерства по делам религий, которому подчиняется вся религиозная инфраструктура и все служители культа, и Высшего исламского совета, ответственного за верную интерпретацию вероучения и выдачу фетв²⁶. Ту же политику продолжает проводить Теббун.

²⁶ Наушкин и др. 2021: 30.

В Бангладеш после падения генерала Мухаммеда Эршада, правившего страной в 1983—1990 гг., установился режим, балансирующий между авторитаризмом и демократией. Вместе с тем если с 1991 по 2016 г., по оценке Freedom House, Бангладеш был частично свободной электоральной демократией, то в 2017 г. там произошел авторитарный откат.

Колебания политического маятника в стране во многом определяются противостоянием лидеров двух основных политических партий —

Халиды Зиа, возглавляющей Националистическую партию Бангладеш, и Хасины Вазед из «Авами Лиг». Обе партии декларируют свою приверженность демократии, однако первая стоит на позициях бангладешского национализма и выступает за свободную рыночную экономику и сохранение ислама в качестве религии большинства, тогда как вторая строит свою идеологию на принципах бенгальского национализма, секуляризма и социализма (социальной справедливости и свободы от эксплуатации)²⁷.

²⁷ Jahan 2014: 11.

В политическом поле Бангладеш доминирует скорее национализм (бенгальский и бангладешский) в контексте построения национального государства, а не политический ислам, который в определенной мере демпфирован на уровне конституционных установлений.

Согласно Конституции 2001 г., должность президента *Союза Коморских островов* переходит от острова к острову, президент избирается сроком на четыре года (с 2009 г. на пять лет) и может быть переизбран, но с соблюдением очередности между островами. По оценке Freedom House, в 2004—2017 гг. Коморские острова являлись частично свободной электоральной демократией, а в 2018 г. там намечился авторитарный откат.

Занявший в 2016 г. пост президента Союза Азали Ассумани начал формировать режим личной власти, инициировав внесение поправок в Конституцию, предполагавших корректировку принципа регулярной ротации президентов и изменение статуса Конституционного суда как независимого института, что позволило ему переизбраться в 2019 г. на второй срок с перспективой дальнейшего переизбрания²⁸.

²⁸ Турьинская 2020.

Особое место в группе квазиисламских государств занимает *Тунис* — единственная страна, где следствием «арабской весны» стала демократизация. С 2011 г. Freedom House причисляет Тунис к частично свободным электоральным демократиям.

После неудавшейся попытки умеренно исламистской Партии возрождения, игравшей в 2011—2013 гг. одну из ключевых ролей в тунисской политике, направить развитие Туниса по пути политического ислама²⁹, в январе 2014 г. в стране была принята новая Конституция, закрепившая отказ от политического ислама при сохранении участия исламских партий (наравне с другими) в политическом процессе.

²⁹ Долгов 2017.

Влияние фактора политического ислама в светских мусульманских государствах

Среди светских мусульманских государств большинство относится к числу авторитарных, где доминирующим политическим фактором является стремление правящих элит обеспечить сохранение своей власти и несменяемость режима. Политический ислам в этих государствах не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на политические процессы.

Особое место в рассматриваемой группе занимает *Турция*, которая была и остается светским государством, что во многом объясняется «эффектом колеи» — колеи лаицизма, которая была задана основателем

³⁰ Сергеев
и Саруханян 2012.

современного турецкого государства Кемалем Ататюрком и хранителями которой выступают армия, прокуратора и судебная система³⁰. Вместе с тем после прихода к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития во главе с Реджепом Эрдоганом наметилась тенденция к исламизации турецкого общества и постепенному росту влияния умеренного политического ислама.

В 2017 г. в Конституцию Турции были внесены серьезные изменения: парламентская форма правления была заменена президентской при существенном расширении полномочий президента. Занимающий этот пост с 2014 г. Эрдоган начал выстраивать режим личной власти, инструментально используя умеренный политический ислам в противовес радикальному для подавления политической конкуренции, укрепления правящего режима и консолидации его социальной базы. В результате Турция, которая более 25 лет квалифицировалась Freedom House как частично свободная электоральная демократия, перешла в категорию несвободных.

Светские мусульманские страны с авторитарным правлением и стабильными политическими режимами можно по региональному признаку разделить на две группы: постсоветские мусульманские государства и африканские мусульманские диктатуры.

В странах первой группы — *Азербайджане, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане* — в отношениях государства с исламом в той или иной степени проявился эффект «постатеистической колеи», доставшейся им в наследство от СССР, где атеизм был неотъемлемым элементом идеологии³¹.

³¹ Жусупбек 2017.

Такое развитие событий было во многом предопределено тем, что после распада СССР главами этих стран стали высокопоставленные деятели КПСС, которые начали формировать режимы личной власти. Правящий социальный слой там складывался по преимуществу из представителей советской партийно-хозяйственной номенклатуры, которые «не расстались с антирелигиозными и антиисламскими взглядами и неизменно понимают религию как „опиум для народа“»³².

³² Seifert 2012: 18.

В настоящее время все механизмы влияния ислама, тем более политического, на политические режимы и процессы в этих странах полностью заблокированы; в частности, там нет ни одной легальной исламской политической партии. Вместе с тем с распадом СССР в них началось возрождение ислама, его влияние стало возрастать, развернулся процесс исламизации населения³³. Впрочем, этот процесс проявляется в основном в частной жизни как индивидуальный социокультурный феномен.

³³ Гарбузарова
2019.

Усиление ислама вызвало двоякую реакцию властей. С одной стороны, предпринимаются активные попытки интегрировать ислам как национальную культурно-историческую традицию в базовый идеологический концепт построения национального государства и формирования национальной идентичности. Власти культивируют «официальный ислам», активно взаимодействуют с лояльными им исламскими объ-

единениями. С другой стороны, происходит конструирование исламской угрозы, «секьюритизация» всех неконтролируемых государством направлений ислама, в первую очередь политического. Побудительным мотивом к запуску «секьюритизации» и ее обоснованием послужили радикальные проявления политического ислама, прежде всего в Ферганской долине на стыке Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана³⁴. Такие проявления жестко подавлялись и подавляются, при этом «секьюритизация» подвергается не только исламская, но и любая другая оппозиция действующей власти.

³⁴ Жусупбек 2017:
104—105.

В постсоветских мусульманских государствах исламский фактор используется правящими режимами в качестве инструмента расширения и консолидации своей социальной базы.

К группе африканских мусульманских диктатур относятся Джибути, Гамбия, Гвинея и Чад.

В *Джибути* более 20 лет действует режим личной власти президента Исмаила Омара Геллеха, чья религиозная политика строится на принципах веротерпимости и толерантности³⁵. Фактор политического ислама здесь никак не влияет на поле политики.

³⁵ Мезенцев 2021.

С 1996 по 2016 г. правящим режимом в *Гамбии* была персоналистская диктатура президента Яйя Джамме. После отстранения Джамме от власти в 2017 г. в Гамбии установился режим личной власти президента Адама Бэрроу³⁶. Ни при Джамме, ни при Бэрроу фактор политического ислама не оказывал и не оказывает влияния на политические процессы в стране.

³⁶ Панов 2016;
Денисова 2021b.

Сходным образом дело обстояло в *Гвинее* в период персоналистского правления президента Альфа Конде. И хотя в сентябре 2021 г. в результате военного переворота Конде, находившийся у власти с 2010 г., был свергнут³⁷, это никак не сказалось на роли фактора политического ислама в политической жизни страны.

³⁷ Денисова 2021a.

В *Чаде* с 1990 г. правил президент Идрис Деби, который в апреле 2021 г. погиб в столкновении с повстанцами из Фронта перемен и согласия, и власть перешла к его сыну — генералу Махамату Идрису Деби. Режим Деби-старшего находился в состоянии постоянной вооруженной борьбы с радикальными исламскими движениями Боко Харам и Исламское государство в Большой Сахаре, выступая в этом противостоянии в союзе с Францией.

Буркина Фасо, Мали и Нигер, в которых политическая ситуация нестабильна, как и Чад, расположены в Сахеле, где начиная с 2013 г. проявляют повышенную террористическую активность радикальные исламские движения, в частности такие, как Фронт освобождения Масыны, группа «Ансар уль-Ислам» и Исламское государство в Большой Сахаре³⁸. Государства региона вынуждены постоянно (и с переменным успехом) вести вооруженную борьбу с исламистами. Стоит отметить, что к этой группе государств не только географически, но и в плане военного противодействия радикальным исламским движениям примыкает Нигерия, в населении которой примерно в равной

³⁸ Пономарев
(ред.) 2020.

степени представлены мусульмане и христиане (48,8 и 49,3% соответственно).

В *Мали*, где, согласно Freedom House, в 2012 г. произошел авторитарный откат, *Нигере*, где такой откат зафиксирован четыре года спустя, и *Буркина Фасо* систематически происходят военные перевороты, которые, наряду с террористической деятельностью исламистов, дестабилизируют политическую ситуацию. При этом среди причин переворотов немаловажное место занимает именно неспособность властей обеспечить безопасность граждан и противостоять насилию со стороны исламских радикалов.

Еще одним светским мусульманским государством с нестабильной политической ситуацией является *Ливан*. После окончания в 1990 г. гражданской войны, вывода в 2005 г. сирийских вооруженных сил и завершения в 2006 г. ливано-израильского конфликта политическая ситуация в стране так и не стабилизировалась. Дестабилизирующим фактором выступают конфликты между различными политическими группировками, имеющие в том числе и религиозную составляющую. Заметную роль в этих конфликтах играет военизированная шиитская организация и политическая партия Хезболла.

Четыре светских мусульманских государства — Албания, Индонезия, Сенегал и Сьерра-Леоне — относятся к числу частично свободных электоральных демократий, в которых политический ислам никак не влияет на политическую жизнь.

Албания, 80,3% населения которой исповедует ислам, — единственное суверенное мусульманское государство в Европе. Согласно Конституции 1998 г., одной из его основ является веротерпимость и сосуществование религий, и религиозные организации должны уважать независимость друг друга. В Албании нет исламских политических партий, отсутствует там и процесс исламизации.

В *Индонезии*, самой большой по численности населения мусульманской стране (более 276 млн человек по состоянию на 2021 г.), в соответствии с закрепленной в преамбуле ее Конституции доктриной «Панча Сила», ислам не имеет преимуществ перед другими монотеистическими религиями, в том числе и в плане влияния на общественную жизнь и политику³⁹.

С конца XX в. *Сенегал* и *Сьерра-Леоне* причисляются Freedom House к устойчивым электоральным демократиям. В этих странах нет исламских политических партий, хотя исламские религиозные общины и их духовные лидеры играют значимую роль в электоральном процессе (особенно в Сенегале⁴⁰).

³⁹ Куклин 2021.

⁴⁰ Садовская 2017.

Заключение

Как видно из представленного выше обзора, влияние фактора политического ислама в поле политики мусульманского мира, а следовательно, и в поле мировой политики в целом носит ограниченный характер.

Прямое воздействие политического ислама в какой-либо его ипостаси (радикальной, традиционной, умеренной) на политическую ситуацию и процессы, будь то в форме абсолютного доминирования или инструментального использования властью, просматривается только в 12 исламских государствах со стабильными правящими режимами и светской Турцией. Во всех этих государствах, кроме таких теократических диктатур, как Афганистан и Иран, а также Катара, который обвиняют в скрытой поддержке радикальных исламских движений, власти жестко подавляют любые проявления радикального политического ислама.

Вместе с тем успех Талибана* в Афганистане спровоцировал усиление террористической активности радикальных исламских организаций в соседнем Пакистане и других странах мусульманского мира. А Иран заметно влияет на политическую ситуацию на Ближнем Востоке, претендуя на роль регионального лидера, и угрожает мировому сообществу созданием ядерного оружия.

Важно также отметить, что существенное влияние на политическую ситуацию в ряде исламских государств оказывает межконфессиональный суннитско-шиитский конфликт, который может принимать разные формы, вплоть до гражданской войны (Йемен).

В 20 квазиисламских и светских мусульманских государствах со стабильными режимами политический ислам если и присутствует, то лишь на периферии политического поля. При этом в некоторых из государств этой группы власти вынуждены вести борьбу, в том числе с использованием вооруженных сил, с трансграничной террористической деятельностью радикальных исламских организаций.

Почти в четверти (11 из 45) государств мусульманского мира политическая ситуация на протяжении вот уже многих лет нестабильна, что не позволяет в полной мере оценить непосредственное влияние фактора политического ислама на развертывающиеся в них политические процессы. В то же время одним из триггеров политической турбулентности в этих государствах, наряду с этническими и клановыми конфликтами, выступает террористическая деятельность как международных, так и национальных радикальных исламских группировок и движений.

Библиография

Атасунцев А., Е.Пудовкин и П.Химшиашвили. (2021) «Чем соседним странам и миру угрожает победивший в Афганистане „Талибан“» // *РБК*, 16.08. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7> (проверено 13.05.2023).

«В Малайзии ввели „индекс шариата“, показывающий соответствие общества исламскому праву». (2015) // *ТАСС*, 11.02. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1760090> (проверено 13.05.2023).

Гарбузарова Е.Г. (2019) «Ислам в государствах Центральной Азии в современный период» // *Исламоведение*, т. 10, № 2: 22—31.

Гришина Н.В. (2021) «Мавритания: эволюция политических структур» // *Ученые записки Института Африки РАН*, № 3 (56): 56—65. URL: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2021/09/Grishina-Mavritaniya-Evoljutsiya.pdf> (проверено 23.06.2023).

Денисова Т.А. (2021а) «Военный переворот 5 сентября 2021 г. в Гвинее» // *Институт Африки Российской академии наук*, 5.10. URL: <https://inafran.ru/node/2542> (проверено 13.05.2023).

Денисова Т.А. (2021б) «Президентские выборы 2021 г. и политическая ситуация в Гамбии» // *ИМЭМО РАН*. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/prezidentskie-vibori-2021-g-i-politicheskaya-situatsiya-v-gambii> (проверено 13.05.2023).

Долгов Б.В. (2017) «Социально-политическое развитие Туниса и стратегия „Движения Нахда“» // *Азия и Африка сегодня*, № 3: 9—16.

Дьяков А. (2020) «Ядерная программа Ирана — прошлое, настоящее и неопределенное будущее» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 64, № 12: 15—24. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2020/03-DIYAKOV.pdf (проверено 23.06.2023).

Егоров И.С. (2018) «Специфика формирования личности Мухаммеда VI как современного лидера и реформатора Марокко» // *Политика и общество*, № 11: 19—28.

Жусипбек Г. (2017) «Политический ислам в Центральной Азии после 25 лет независимости» // Ларюэль М. и А.Курманова, ред. *Центральная Азия — 25: мысли о прошлом, проекция будущего. Сборник эссе из Центральной Азии*: 102—108. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/11/25-Years_Russian.pdf (проверено 23.06.2023).

Золотухин И.Н. (2010) «Малайзия в зеркале этноконфессиональной ситуации: история и современность» // *Ойкумена: Регионоведческие исследования*, № 1: 7—17. URL: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_01_02.pdf (проверено 23.06.2023).

Ибрагимов И. (2019) «Внутриполитическая ситуация в Египте» // *Российский совет по международным делам*, 28.03. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/> (проверено 13.05.2023).

Игнатенко А. (2000) «От Филиппин до Косово» // *Независимая газета*, 12.10. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html?print=Y (проверено 13.05.2023).

Кириченко В.П. (2021) «Положение шиитского населения Бахрейна после событий „арабской весны“ 2011 г.» // *Россия и мусульманский мир*, № 3: 79—87.

Крылов А.В. (2013) «Особенности демократических реформ в Иордании» // *Вестник МГИМО-Университета*, № 2 (29): 113—119.

Кузнецова Т.О., Л.М.Ефимова, А.Г.Орлов и М.А.Сапронова. (2015) *Современные избирательные системы. Вып. 10: Италия, Малайзия, Перу, Сирия*. М.: РЦОИТ.

Куклин Н.С. (2021) «Этапы социально-политического развития исламской общины в Индонезии: культурная самобытность и национальные особенности» // *Россия и мусульманский мир*, № 4: 69—85.

Куршаков В. (2012) «Шиитский фактор во внешней политике Ирана» // *Мировая экономика и международные отношения*, № 12: 24—32. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2012/3-Kurshakov.pdf (проверено 23.06.2023).

Малашенко А. (2006) *Исламская альтернатива и исламистский проект*. М.: Весь Мир.

Мезенцев С.В. (2021) «Президентские выборы в Джибути. Обстановка в стране и прогнозы ее развития» // *Институт Африки РАН*, 18.06. URL: <https://www.inafran.ru/node/2495> (проверено 13.05.2023).

Мелкумян Е.С. (2010) «Система власти в Кувейте: традиции и современность» // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки»*, № 1: 99—108. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000002621> (проверено 23.06.2023).

Мелкумян Е.С. (2018) «Власть и ислам в Кувейте: поле взаимодействия» // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение»*, № 2 (12): 92—104. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012819> (проверено 23.06.2023).

Милославская Т.П. (2010) «Бруней-Даруссалам: „Малайская исламская монархия“» // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, т. 14, № 5: 246—266. URL: <https://sea.ivran.ru/f/16379456.pdf> (проверено 23.06.2023).

Морозова Н.Н. (2019) «Король Иорданского Хашимитского Королевства Абдалла II: политический портрет» // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*, т. 19, № 4: 690—701.

Наумкин В.В., И.А.Зарипов, В.А.Кузнецов и В.В.Орлов. (2021) «Стратегии выстраивания отношений между государством и исламом в России и арабском мире» // *Minbar. Islamic Studies*, т. 14, № 1: 13—49.

Панов А. (2016) «Политический кризис в Гамбии и операция „Восстановление демократии“» // *Институт Африки Российской академии наук*. URL: <https://www.inafran.ru/node/1312> (проверено 13.05.2023).

Пономарев И.В., ред. (2020) *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира: Зона Сахары-Сахеля и Африканский Рог*. Т. IV. М.: Институт Африки РАН.

Прозоров С.М., ред. (1991) *Ислам: Энциклопедический словарь*. М.: Наука.

Саватеев А.Д. и Т.Р.Хайруллин. (2019) «Дерадикализация исламизма: опыт Саудовской Аравии» // *Ислам в современном мире*, т. 15, № 3: 165—180.

Садовская Л.М. (2017) *Власть и оппозиция в африканском обществе в конце XX — начале XXI вв. (на примере Сенегала и Кот-д'Ивуара)*. М.: Институт Африки РАН.

Сергеев В.М. и С.Н.Саруханян. (2012) «Модернизация и политический ислам в Турции» // *Полития*, № 4 (67): 134—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (проверено 23.06.2023).

Турьинская Х.М. (2020) «Парламентские выборы 2020 г. на Коморах: федерализм и централизация» // *Институт Африки Российской академии наук*, 30.03. URL: <https://www.inafran.ru/node/2190> (проверено 13.05.2023).

Федорченко А. (2013) «Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: „шиитский вопрос“» // *Международная жизнь*, № 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888> (проверено 13.05.2023).

Хайруллин Т. и А.Коротаев. (2016) «Ислам, Партия арабского социалистического возрождения и сирийские конституции 1973 и 2012 гг.» // *Право и управление. XXI век*, № 2 (39): 40—46. URL: http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/06_hayirulintr_korotaevav.pdf (проверено 23.06.2023).

Чиркин В.Е. (2014) «Конституция Египта 2014 г.» // *Государство и право*, № 6: 90—97.

Jahan R. (2014) *Political Parties in Bangladesh*. CPD-CMI Working Paper 8. Centre for Policy Dialogue; Chr. Michelsen Institute. URL: <https://open.cmi.no/cmi-xmlui/bitstream/handle/11250/2474963/Political%20Parties%20in%20Bangladesh?sequence=1&isAllowed=y> (проверено 23.06.2023).

Seifert A.C. (2012) *Der politische Islam in Zentralasien — Gegner oder demokratischer Partner?* CORE Working Paper 25. Hamburg. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156409/CORE%20WP25.pdf> (accessed on 23.06.2023).

Voll J.O. and T.Sonn. (2009) «Political Islam» // *Oxford Bibliographies*, 14.12. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0063.xml> (accessed on 13.05.2023).

* *Решением Верховного суда РФ организация признана террористической, ее деятельность на территории России запрещена.*

Yu.A.Nisnevich
**INFLUENCE OF POLITICAL
 ISLAM FACTOR
 IN MODERN WORLD**

Yuliy A. Nisnevich — Doctor of Political Science; Professor at the School of Politics and Governance, Faculty of Social Sciences, HSE University.
 E-mail: jnisnevich@hse.ru.

Abstract. The article is devoted to the problem of the influence of the factor of political Islam in the modern conditions. In order to reveal such influence, the author examines the situation in 45 UN member states, where more than 50% of the population adheres to Islam, tentatively subdividing these states into Islamic, quasi-Islamic and secular. His analysis shows that the influence of the factor of political Islam in the field of politics of the Muslim world, and, consequently, in the global political space, is limited.

The direct impact of political Islam on political processes is visible only in 12 Islamic states with stable political regimes and secular Turkey. In all these states, except for theocratic Islamic dictatorships Afghanistan and Iran, as well as Qatar, the authorities severely suppress any manifestations of radical political Islam. The interreligious Sunni-Shia conflict exerts a significant impact on the political situation in a number of Islamic states.

In 20 quasi-Islamic and secular Muslim states with stable political regimes, political Islam, if present, is only on the periphery of the political field. At the same time, in some of the states in this group, the authorities have to fight cross-border terrorist activity of radical Islamic organizations.

In almost a quarter of the states of the Muslim world, the political situation is currently unstable. Herewith, one of the factors of political turbulence in these states, along with ethnic and clan conflicts, is the terrorist activities of both international and national radical Islamic groups and movements.

Keywords: political Islam, Muslim world, Islamic, quasi-Islamic and secular Muslim states, radical Islamic organizations

References

Atasuntsev A., E.Pudovkin, and P.Khimshiashvili. (2021) “Chem sosednim stranam i miru ugrozhaet pobedivshij v Afganistane „Taliban“” [How Does the Taliban, Which Has Won in Afghanistan, Threaten Neighboring Countries and the World] // *RBC*, 16.08. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Chirkin V.E. (2014) “Konstitutsija Egipta 2014 g.” [The Constitution of Egypt 2014] // *Gosudarstvo i parvo* [State and Law], no. 6: 90–97. (In Russ.)

Denisova T.A. (2021a) “Voennyj perevorot 5 sentjabrja 2021g. v Gvinee” [Military Coup on September 5, 2021 in Guinea] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 5.10. URL: <https://inafran.ru/node/2542> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Denisova T.A. (2021b) “Prezidentskie vybory 2021 g. i politicheskaja situatsija v Gambii” [The 2021 Presidential Elections and the Political Situation in Gambia] // *MEMO RAN* [Primakov Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences]. URL: <https://www.imemo.ru/special-rubrics/africa/text/prezidentskie-vybory-2021-g-i-politicheskaja-situatsiya-v-gambii> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Diyakov A. (2020) “Jadernaja programma Irana — proshloe, nastojashchee i neopredelennoe budushchee” [Iran’s Nuclear Program — Past, Present and Uncertain Future] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 64, no. 12: 15–24. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/12_2020/03-DIYAKOV.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Dolgov B.V. (2017) “Sotsial’no-politicheskoe razvitie Tunisa i strategija „Dvizhenija Nakhda“” [Socio-Political Development of Tunisia and the Strategy of the Nahda Movement] // *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa Today], no. 3: 9–16. (In Russ.)

Egorov I.S. (2018) “Spetsifika formirovanija lichnosti Mukhammeda VI kak sovremennogo lidera i reformatora Marokko” [The Specifics of the Formation of the Personality of Mohammed VI as a Modern Leader and Reformer of Morocco] // *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], no. 11: 19–28. (In Russ.)

Fedorchenko A. (2013) “Mezhkonnessional’nye protivorechija v Saudovskoj Arabii: „shiitskij vopros“” [Interfaith Contradictions in Saudi Arabia: the “Shiite Issue”] // *Mezhdunarodnaja zhizn’* [International Affairs], no. 6. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/888> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Garbuzarova E.G. (2019) “Islam v gosudarstvakh Tsentral’noj Azii v sovremennyj period” [Islam in the Central Asian States in Modern Period] // *Islamovedenie* [Islamic Studies], vol. 10, no. 2: 22–31. (In Russ.)

Grishina N.V. (2021) “Mavritanija: evoljutsija politicheskikh struktur” [Mauritania: the Evolution of Political Structures] // *Uchenye zapiski Instituta Afriki RAN* [Journal of the Institute for African Studies], no. 3 (56): 56–65. URL: <https://africajournal.ru/wp-content/uploads/2021/09/Grishina-Mavritaniya-Evoljutsiya.pdf> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Ibragimov I. (2019) “Vnutripoliticheskaja situatsija v Egipte” [The Internal Political Situation in Egypt] // *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian International Affairs Council], 28.03. URL: <https://russian->

council.ru/analytics-and-comments/analytics/vnutripoliticheskaya/ (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Ignatenko A. (2000) “Ot Filippin do Kosovo” [From the Philippines to Kosovo] // *Nezavisimaya Gazeta*, 12.10. URL: https://www.ng.ru/ideas/2000-10-12/8_islam.html?print=Y (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Jahan R. (2014) *Political Parties in Bangladesh*. CPD-CMI Working Paper 8. Centre for Policy Dialogue; Chr. Michelsen Institute. URL: <https://open.cmi.no/cmi-xmlui/bitstream/handle/11250/2474963/Political%20Parties%20in%20Bangladesh?sequence=1&isAllowed=y> (accessed on 23.06.2023).

Khayrullin T. and A.Korotaev. (2016) “Islam, Partija arabskogo sotsialisticheskogo vozrozhdenija i sirijskie konstitutsii 1973 i 2012 gg.” [Islam, the Arab Socialist Ba’ath Party and the Syrian Constitutions of 1973 and 2012] // *Pravo i upravlenie. XXI vek* [Journal of Law and Administration], no. 2 (39): 40—46. http://pravo.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/06_hayirulintr_korotavav.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Kirichenko V.P. (2021) “Polozhenie shiitskogo naselenija Bakhrejna posle sobytij „arabskoj vesny“ 2011g.” [The Situation of the Shia Population of Bahrain in the Wake of the Arab Spring 2011] // *Rossija i musul’anskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 3: 79—87. (In Russ.)

Krilov A.V. (2013) “Osobennosti demokraticeskikh reform v Iordanii” [Features of Democratic Reforms in Jordan] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (29): 113—119. (In Russ.)

Kuklin N.S. (2021) “Etapy sotsial’no-politicheskogo razvitija islamskoj obshchiny v Indonezii: kul’turnaja samobytnost’ i natsional’nye osobennosti” [Stages of Socio-Political Development of the Islamic Community in Indonesia: Cultural Identity and National Features] // *Rossija i musul’anskij mir* [Russia and the Muslim World], no. 4: 69—85. (In Russ.)

Kurshakov V. (2012) “Shiitskij faktor vo vneshnej politike Irana” [Shia Factor in Current Policies of Islamic Republic of Iran] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], no. 12: 24—32. URL: https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/11_2012/3-Kurshakov.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Kuznetsova T.O., L.M.Efimova, A.G.Orlov, and M.A.Sapronova. (2015) *Sovremennye izbiratel’nye sistemy. Vyp. 10: Italija, Malajzija, Peru, Sirija* [Modern Electoral Systems. Issue 10: Italy, Malaysia, Peru, Syria]. Moscow: RTsOIT. (In Russ.)

Malashenko A. (2006) *Islamskaja al’ternativa i islamistskij projekt* [The Islamic Alternative and the Islamist Project]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

Melkumyan E.S. (2010) “Sistema vlasti v Kuvejte: traditsii i sovremenost’” [System of Power in Kuwait: Tradition and Modernity] // *Vestnik RGGU. Serija: “Politologija. Sotsial’no-kommunikativnye nauki”* [RSUH/

RGGU Bulletin. “Political Science. Social and Communicative Sciences” Series], no. 1: 99—108. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000002621> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Melkumyan E.S. (2018) “Vlast’ i islam v Kuvejte: pole vzaimodejstvija” [Power and Islam in Kuwait: The Field of Interaction] // *Vestnik RGGU. Serija “Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie”* [RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations. Area Studies. Oriental Studies” Series], no. 2 (12): 92—104. URL: <https://liber.rsuh.ru/elib/000012819> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Mezentsev S.V. (2021) “Prezidentskie vybory v Dzhibuti. Obstanovka v strane i prognozy ee razvitija” [Presidential Elections in Djibouti. The Situation in the Country and Forecasts of Its Development] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 18.06. URL: <https://www.inafran.ru/node/2495> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Miloslavskaya T.P. (2010) “Brunej-Darussalam: „Malajskaja islamskaja monarkhija“” [Brunei Darussalam: “Malay Islamic Monarchy”] // *Yugo-Vostochnaja Azija: aktual’nye problemy razvitija* [Southeast Asia: Actual Problems of Development], vol. 14, no. 5: 246—266. URL: <https://sea.ivran.ru/f/16379456.pdf> (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Morozova N.N. (2019) “Korol’ Iordanskogo Khashimitskogo Korolevstva Abdalla II: politicheskij portret” [King of the Hashemite Kingdom of Jordan Abdullah II: Political Portrait] // *Vestnik RUDN. Serija: Mezhdunarodnye otnoshenija* [Vestnik RUDN. International Relations], vol. 19, no. 4: 690—701. (In Russ.)

Naumkin V.V., I.A.Zaripov, V.A.Kuznetsov, and V.V.Orlov. (2021) “Strategii vystraivaniya otnoshenij mezhdru gosudarstvom i islamom v Rossii i arabskom mire” [The Strategies of Building Relations between the State and Islam in Russia and in the Arab World] // *Minbar. Islamic Studies*, vol. 14, no. 1: 13—49. (In Russ.)

Panov A. (2016) “Politicheskij krizis v Gambii i operatsija „Vosstanovlenie demokratii“” [The Political Crisis in Gambia and Operation “Restore Democracy”] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences]. URL: <https://www.inafran.ru/node/1312> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Ponomarev I.V., ed. (2020) *Islamskie radikal’nye dvizhenija na politicheskoi karte sovremennogo mira: Zona Sakhary-Sakhelja i Afrikaniskij Rog* [Islamic Radical Movements on the Political Map of the Modern World: The Sahara-Sahel Zone and the Horn of Africa]. Vol. IV. Moscow: Institut Afriki RAN. (In Russ.)

Prozorov S.M., ed. (1991) *Islam: Entsiklopedicheskij slovar’* [Islam. Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

Sadovskaya L.M. (2017) *Vlast’ i oppozitsija v afrikanском obshchestve v kontse 20 — nachale 21 vv. (na primere Senegala i Kot-d’Ivuara)* [Power

and Opposition in African Society in the Late 20th — Early 21st Centuries (On the Example of Senegal and Côte d'Ivoire)]. Moscow: Institut Afriki RAN. (In Russ.)

Savateev A.D. and T.R.Khayrullin. (2019) “Deradikalizatsija islamizma: opyt Saudovskoj Aravii” [Deradicalization of Islamists in Saudi Arabia] // *Islam v sovremennom mire* [Islam in the Modern World], vol. 15, no. 3: 165—180. (In Russ.)

Seifert A.C. (2012) *Der politische Islam in Zentralasien — Gegner oder demokratischer Partner?* CORE Working Paper 25. Hamburg. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/156409/CORE%20WP25.pdf> (accessed on 23.06.2023).

Sergeev V.M. and S.N.Sarukhanyan. (2012) “Modernizatsija i politicheskij islam v Turtsii” [Modernization and Political Islam in Turkey] // *Politeia*, no. 4 (67): 134—151. URL: http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia_Sergeev_Sarukhanyan-2012-4.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Tur'inskaya Kh.M. (2020) “Parlamentskie vybory 2020 g. na Komorakh: federalizm i tsentralizatsija” [Parliamentary Elections 2020 in the Comoros: Federalism and Centralization] // *Institut Afriki Rossijskoj akademii nauk* [Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences], 30.03. URL: <https://www.inafran.ru/node/2190> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

“V Malajzii vveli „indeks shariata“, pokazyvajushchij sootvetstvie obshchestva islamskomu pravu” [Malaysia Has Introduced a “Sharia Index” Showing the Compliance of Society with Islamic Law]. (2015) // *TASS*, 11.02. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1760090> (accessed on 13.05.2023). (In Russ.)

Voll J.O. and T.Sonn. (2009) “Political Islam” // *Oxford Bibliographies*, 14.12. URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780195390155/obo-9780195390155-0063.xml> (accessed on 13.05.2023).

Zhussipbek G. (2017) “Politicheskij islam v Tsentral'noj Azii posle 25 let nezavisimosti” [Political Islam in Central Asia: After 25 Years of Independence] // Laruelle M. and A.Kourmanova, eds. *Tsentral'naja Aziya — 25: mysli o proshlom, proektsija budushchego. Sbornik esse iz Tsentral'noj Azii* [Central Asia at 25: Looking Back, Moving Forward. A Collection of Essays from Central Asia]: 102—108. URL: https://centralasiaprogram.org/wp-content/uploads/2015/11/25-Years_Russian.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)

Zolotukhin I.N. (2010) “Malajzija v zerkale etnokonfessional'noj situatsii: istorija i sovremennost'” [Malaysia in the Aspect of the Ethnoconfessional Situation: History and Modern Time] // *Ojkumena: Regionovedchiskie issledovanija* [Ojkumena. Regional Researches], no. 1: 7—17. URL: https://ojkum.ru/arc/lib/2010_01_02.pdf (accessed on 23.06.2023). (In Russ.)